

Он снова варил, и то, что получилось на этот раз, было гораздо лучше предыдущих попыток, но всё равно выглядело несъедобным. Он решил, что, вероятно, недостаточно хорошо фильтровал, и продолжил процесс варки, добавляя дополнительные этапы фильтрации.

Последние несколько дней он не выходил из своей маленькой комнаты, научившись разжигать огонь. Минъюэ и Цайся были отправлены к двери, чтобы следить за входом, пока он занимался своими экспериментами.

Он всегда был неудачником в учёбе и никогда не чувствовал вкуса успеха. Но теперь, когда он ощущал, что успех всё ближе, его охватило возбуждение, и он даже перестал возвращаться спать по ночам.

За два дня он использовал две большие бочки морской воды, и от него самого стало пахнуть потом, но наконец он получил что-то, напоминающее соль, которую можно было использовать до его попадания в другой мир. Он измельчил полученные кристаллы, и они стали ещё больше похожи на настоящую соль.

С восторгом он выбежал с тарелкой порошка, кружась вокруг Минъюэ и Цайся, прежде чем попросить их принести немного овощей, чтобы попробовать соль в деле.

Поскольку он всегда был неуверен в себе, то не решился сразу поделиться этим с Ли Цзиньчэнем и попросил двух служанок приготовить блюдо с его солью. Он с нетерпением попробовал его.

Хотя полученная им соль всё ещё была очень грубой и даже имела горьковатый привкус, этот привкус перекрылся вкусом овощей, и в целом получилось неплохо.

Это было простое блюдо из обжаренных овощей, без каких-либо других приправ, кроме соли, но в тот момент, когда Е Цзяньюй положил еду в рот, он чуть не заплакал.

Со слезами на глазах он хотел побежать к Ли Цзиньчэню, чтобы угостить его, но, услышав от Минъюэ, что император всё ещё ловит рыбу, он посмотрел на блюдо, которое уже наполовину съел, и решил, что кормить императора объедками — не лучшая идея. Лучше приготовить что-то свежее вечером.

Он позвал Минъюэ и Цайся:

— Эту половину я не трогал, попробуйте и вы.

Он сунул каждой из них пару палочек для еды. Увидев, как Е Цзяньюй радуется, они не захотели портить ему настроение и попробовали по кусочку. Их глаза сразу же загорелись.

Этот вкус был для них совершенно новым. Он не был сладким, как сахар, а имел странный, но приятный солёный оттенок. Будучи простыми служанками, они не могли подобрать красивых слов, чтобы описать его, но кивали и повторяли, что это вкусно.

Е Цзяньюй спросил Минъюэ:

— Ну как?

Минъюэ ответила:

— Овощи стали ароматнее.

Цайся добавила:

— Очень хорошо сочетается с рисом!

— Точно! — Е Цзяньюй едва не схватил их за руки и не начал кружиться. — Теперь нам больше не придётся есть эту безвкусную еду из императорской кухни!

Две служанки тоже захотели попробовать больше, но, видя, как много времени и сил Е Цзяньюй потратил на свои эксперименты, они понимали, что эта соль — настоящая драгоценность, и вряд ли императрица поделится ею с ними.

Е Цзяньюй заметил их желание и щедро дал каждой по пакетик.

— Возьмите.

Они посмотрели на подарок и сразу же хотели упасть на колени, чтобы поблагодарить его, но он остановил их.

— Эти церемонии слишком утомительны, не делайте так в будущем.

Е Цзяньюй, радостный, как ребёнок, попросил их принести ещё овощей и мяса, чтобы вечером приготовить для Ли Цзиньчэня целый стол блюд.

Он уже мечтал о том, как будет делать соевый соус, уксус, устричный соус и другие приправы.

Но в этот момент все трое почувствовали себя плохо, и у них началась диарея.

Когда Ли Цзиньчэнь вернулся с рыбалки, он узнал, что Е Цзяньюй, Миньюэ и Цайся съели блюдо, приготовленное с его солью, и несколько раз сбежали в уборную. В конце концов, они едва смогли остановить диарею, выпив лекарство от придворного врача.

Е Цзяньюй не возвращался спать два дня. В последний раз, когда Ли Цзиньчэнь видел его, он был полон энергии, но теперь лежал на кровати, бледный и слабый, держась за живот.

Ли Цзиньчэнь сел рядом с ним, положил руку на его лоб. Он был горячим и покрыт потом. Он хотел спросить, что произошло, но, видя, насколько слаб Е Цзяньюй, решил не беспокоить его.

Слуга принёс лекарство, и, почувствовав его запах, Е Цзяньюй хотел спрятаться. Он мечтал о лекарстве в капсулах, без вкуса, а не о горьком зелье, которое могло отнять у него полжизни.

Но он был настолько слаб, что не мог сопротивляться, когда его подняли.

Ли Цзиньчэнь впервые сам кормил кого-то лекарством. Сначала он чувствовал себя неловко, но, видя, как Е Цзяньюй с закрытыми глазами покорно лежит у него на руках, он поднёс ложку к его губам, и тот открыл рот, чтобы проглотить лекарство. Это выглядело так мило, что он не смог отпустить его даже после того, как закончил кормить.

Он держал его на руках некоторое время, и Е Цзяньюй не только не сопротивлялся, но и заснул.

— Как котёнок, — Ли Цзиньчэнь мягко провёл пальцем по щеке Е Цзяньюя.

Он был таким нежным и хрупким, что Ли Цзиньчэнь почувствовал тревогу. В следующий раз он не позволит Е Цзяньюю так рисковать. На этот раз всё обошлось диареей, но что, если в

следующий раз он потеряет жизнь?

Ли Цзиньчэнь уже собирался распорядиться вылить оставшуюся морскую воду, но Е Цзяньюй, словно почувствовав опасность, беспокойно зашевелился и пробормотал что-то во сне.

На мгновение Ли Цзиньчэнь подумал, что Е Цзяньюй может читать мысли. Он наклонился, чтобы услышать, что тот говорит.

Е Цзяньюй:

— Пися болит, у-у-у.

Ли Цзиньчэнь:

— ...

Его императрица всё так же прямолинейна.

Е Цзяньюй мучился всю ночь, ворочался и потел.

Ли Цзиньчэнь не имел опыта ухода за больными. Укрыв Е Цзяньюя одеялом, он спросил врача, который сказал, что ничего особенного делать не нужно — достаточно дать ему поспать. Он тоже лёг спать.

Но больной малыш забрался к нему в объятия, крепко обнял за талию и не отпускал, жалуясь мягким голосом на боль и прося обнять.

Если Ли Цзиньчэнь пытался положить его обратно, Е Цзяньюй начинал громко хныкать. Если же он соглашался обнять его и успокоить, тот успокаивался, но продолжал крепко держаться.

Голос Е Цзяньюя был настолько мягким, что казался перышком, щекочущим сердце Ли Цзиньчэня.

Он с лёгким раздражением ущипнул его за щёку, чтобы тот перестал капризничать, иначе он боялся, что может сделать что-то, что усилит боль этого малыша.

Наконец, ночь прошла, и Е Цзяньюй перестал хныкать. Ли Цзиньчэнь встал с постели раньше него и, сделав вид, что ничего не произошло, взял книгу и отправился в сад греться на солнце.

Когда Е Цзяньюй проснулся, он почувствовал, что боль прошла, но он всё ещё был слаб. Болезнь отступила, но он снова погрузился в пучину сомнений.

— Я ни на что не годен, я просто неудачник, — бормотал он, направляясь в свою маленькую комнату.

Хотя он чувствовал себя подавленным и не видел выхода, он всё же хотел побыть в той комнате, рядом с морской водой.

Казалось, только это могло принести ему покой.

Но когда он вошёл в комнату, которую Ли Цзиньчэнь специально подготовил для его экспериментов, он обнаружил, что морская вода исчезла, котёл пропал, и даже его неудачные попытки получить соль тоже исчезли!

— Где мои вещи?

Он перерыл всё в поисках, не веря своим глазам. В конце концов, его прервал Ли Цзиньчэнь, который обнял его за талию и вынес из комнаты.

— Ты вылил мою морскую воду? — Е Цзяньюй сдержанно спросил, не решаясь повысвить голос на императора.

— Ты уже забыл, как страдал вчера? Лекарство было таким горьким, что ты чуть не умер. Позже я велю врачу приготовить тебе ещё несколько порций, — Ли Цзиньчэнь произнёс это с предупреждающей интонацией.

Он редко говорил с Е Цзяньюем так строго. Обычно он был мягок, и эта резкость напугала Е Цзяньюя, который не осмелился больше ничего сказать, позволив Ли Цзиньчэню унести его.

Ли Цзиньчэнь отнёс его обратно и велел слугам надеть на него обувь и переодеть.

Е Цзяньюй посмотрел на новую одежду.

— Мы куда-то идём?

Ли Цзиньчэнь:

— Ты вошёл в мои покои, так что забудь о выходе.

Е Цзяньюй посмотрел на его выражение лица и понял, что Ли Цзиньчэнь не договорил: не только он не может выйти, но даже император не может покинуть это место по своему желанию.

Он прожил здесь уже полмесяца, и за это время Ли Цзиньчэнь ни разу не покидал свои покои.

<http://bllate.org/book/16199/1453468>